

В.И. Баранов

[Сын Максим]

Глава XXI. « «Авиатора» Максима Пешкова “убирают” на земле...»

В мае 1934 года неожиданно заболел Максим. Поначалу дед сообщил внучкам Марфе и Дарье о болезни отца спокойно: «прихворнул». По одной версии — простудился на рыбалке, по другой — на аэродроме. Воспаление легких... Его не стало в течение нескольких дней. Смерть Максима ошеломила отца и всех близких, тем более что молодой крепкий мужчина, помощник отца в разных делах и неистощимый в затеях и импровизациях в минуты отдыха, он был великолепным спортсменом, автомобилистом и лыжником. «Максим был отличным лыжником, — вспоминает жена Максима Надежда Алексеевна, — иногда брал лошадь, привязывал лыжи и один уезжал в горы».

Максим ухитрялся обманывать недуги даже тогда, когда они одолевали всех окружающих. Отец писал Екатерине Павловне из Италии:

«За сим — все обстоит благополучно; после моего и М(арии) И(гнатьевны) гриппа Максим, — конечно, — из чувства зависти, — тоже пробовал заболеть, — но ему это не удалось, только усиленно сморкал нос два дня, а вчера уже гонял на машине куда-то в горы с компанией герцогинь и прочего качества женщин».

11 мая, в день смерти сына, Горького посетили Сталин и другие руководители, выразили самое искреннее соболезнование...

А Горькому вспоминалась дочь. Вскоре после того, как, вернувшись из Америки, он поселился на Капри, пришла страшная весть. В 1906 году в Нижнем Новгороде в пятилетнем возрасте от болезни мозга неожиданно скончалась дочь Катя... Он вспомнил 26 мая 1901 года, день рождения Катюшки, когда, по счастливому стечению обстоятельств — в тот же самый день! — его квартиру в доме Лемке на Канатной посетил Антон Павлович Чехов (проездом, по дороге в Башкирию, на кумыс). Чехов, которого он боготворил!

Духоподъемное было времечко! Только что, после месячной отсидки, выпустили его из острога, куда заточили за приобретение мимеографа для печатания революционных прокламаций. Только что была опубликована «Песня о Буревестнике», прогремевшая на всю Россию. А теперь вот, спустя пять лет, — такая весть...

Смешанное чувство горя и вины отесняло на задний план радостные воспоминания о прошлом. Понимал, что исход болезни дочери предотвратить не мог бы, но все равно ощущал себя виноватым, потому что в 1904 году оставил семью, связав свою жизнь с Марией Федоровной.

Отныне он оставался отцом единственного ребенка — сына Максима. И нарастало сознание двойной, тройной ответственности за его будущее.

Разумеется, никак не мог он предполагать, что ему суждено будет спустя годы пережить еще одну трагедию — безвременную кончину сына, который погибнет при весьма странных, загадочных обстоятельствах...

...Работая над первой частью автобиографического повествования, ставшего одной из лучших его книг, Горький мысленно все время сравнивал свои трудные детские годы с детством Максима. Применительно к себе он мог бы повторить слова Антона Павловича: «В детстве у меня не было детства».

А у сына?

Начисто лишенный материальных забот, более того, имевший, как говорится, все, Максим, как и Алеша Пешков, рос без отца.

Когда Горький навсегда покинул дом Киришбаума, что на Мартыновской, Максиму было семь лет (родился он в июле 1897 года в Мануйловке, на Украине, куда молодая чета поехала на лето).

За границей отец и сын встречались многократно. На Капри, куда Максим приехал с матерью в первый раз уже в январе 1907; в Аяччо, курорте недалеко от Ниццы, куда неоднократно выезжал отец, в иные годы по два раза, прерывая свою напряженную литературную работу...

Но встречи встречами, они никак не могли заменить того повседневного общения, которое родители и дети имеют в семье. Может, это не в последнюю очередь и предопределило формирование характера Максима. Он рано понял, кто его отец. Писатель, и знаменитый! Смешливый мальчуган в доме (где теперь располагается мемориальный музей) постоянно слышал разговоры о литературе. С малых лет родители заботились о том, чтобы приобщить его к книгам. На полках книжного шкафа в просторной детской и сейчас стоят многотомные популярные издания: «Земля и люди» Элизе Реклю, «Жизнь животных» Брэма, другие книги...

Как и все дети, маленький Максим, или, как его сокращенно звали родители, Макс, любил сказки. Мало того, он даже пытался сам сочинять их. Едва научившись писать, крупными ломкими буквами выводил на листе линованной бумаги: «Жил старик со старухой, и жили они в лесу, а лес этот был огромный и в нем были разные самые...» Дело продвигалось туго. Должно быть, потому, что начинающему «литератору» с самого начала не было ясно, чего ради старик со старухой забились в лес, подальше от людей...

Позже отец порой даже побуждал сына к сочинительству, окрашивая свои призывы в шуточные тона: «Ну-ка, напиши мне хоть четыре строчки стихов? Не можешь, француз! Авиатор! Велосипедист! Боксер!» «Француз» — пытался. Не получалось.

Впрочем, однажды, уже после Октября, в 1919 году, литературные задатки все же выявились достаточно любопытно, что породило своеобразный казус. Максим сочинил рассказ «Ланпочка, или как солдат комунир обучил “сицилизму” Максима Горького». Приняв рассказ за сочинение самого писателя, его опубликовали почти одновременно, день за днем, 20 и 21 июня 1919 года, газеты «Известия» и «Правда». Гости, в изобилии появлявшиеся в доме, долго потешались над отцом и сыном, спрашивая, так кто же из них все-таки зажег эту самую «ланпочку».

А Максим говорил отцу (тоже, конечно, в шутку), как бы подзадоривая его — между ними это стало делом обычным:

— Стоит мне захотеть, я и роман могу написать не хуже твоего!

— Конечно, конечно! — деля вид, что соглашается, басил отец, как всегда нажимая на «о». — Стоит тебе только захотеть!

И вправду, стоило Максиму захотеть, и получалось у него многое. Он лихо водил машину и фотографировал не хуже профессионала, в единственном экземпляре издавал «Соррентийскую правду», заполненную всякого рода веселой чепухой... А рисовал — отлично! «...Нигде не учась, поражает художников своим талантом», — писал отец. Некоторые из картин Макса восторженно оценил сам Константин Коровин!

В душе Максима сталкивались увлечения прямо противоположные. Взять ту же живопись. Она требует самой обыкновенной усидчивости. А уже в юности у Максима возникло, и чем дальше, тем все более прочно утверждалось в нем, стремление к динамике. Как уже говорилось, любил он быструю езду — сначала на велосипеде, потом на мотоцикле и машине. Рассказывают, однажды, уже в 1930-е, обогнал машину, в которой ехал Сталин (его загородная дача располагалась недалеко от горьковской). Вождь таких вещей не любил, и отцу пришлось искать способ загладить возникшее недоразумение.

Но тайной страстью Макса еще во время учебы во Франции стала авиация. Он часами мог торчать на аэродроме, с замиранием сердца наблюдая полеты крылатых машин. Как только встречал что-нибудь про авиацию в газетах и журналах, хватался за ножницы — вырезал. Заядлый филателист, он более всего предпочитал марки с изображением аэропланов, и отец, зная эту страсть сына, стремился присылать ему в первую очередь марки именно такие.

Максим завел специальный альбом, в прорези страниц которого аккуратно вставлял открытки с изображением неуклюжих на вид «этажерок» и мужественных лиц авиаторов в шлемах и очках, сдвинутых на лоб. Манящей музыкой звучали имена и названия: Блерио, Лефевр, Вильбур Райт... До чего бесстрашны эти люди! Вот этот, что стоит спиной к тебе, широко расставив ноги и ухватившись рукой за торчащую вверх лопасть винта... Или вот эти двое, что сидят, вытянув ноги вперед, как в санях, но только земля у них уже далеко внизу...

В 1910 году, посетив со школой «аэропланную выставку», Макс писал отцу:

«Было очень интересно: там есть один очень интересный аэроплан военный. Устроен он так: спереди винт в 2 м, потом очень большой мотор в 200 лошадиных сил, и около мотора сидит человек, который правит ходом аэроплана, т. е. пускает в ход винт, подливает бензин и т. д.

Видели мы и другие аэропланы. Многие из них были очень странны. Попробую тебе некоторые нарисовать. Я тебе вкратце попробую нарисовать всю историю авиации, но не сердись, если у меня ничего не выйдет».

Увлечение авиацией Максим пронесет до самой смерти...

Да, много было увлечений у Максима и многое получалось у него — стоило только захотеть. Про таких принято говорить: и швец, и жнец, и на дуде игрец. Плоховато выходило лишь одно: захотеть чего-то главного, сильно и всерьез. «Эх, как богато одарен этот окаянный Максим, — с восхищением и укоризной восклицал отец. — Но он ничего не хочет делать, хоть ты тресни! Обидно, эгоистичен он, как красивая баба». Критически касаясь его увлечений, Горький как-то писал Екатерине Павловне: «...Максим должен учиться, не думая о штыках, автомобилях и аэропланах». В другом письме подчеркивал: учиться сыну надобно систематически.

Отчаянный, «запойный» труженик, часами не разгибавший спину за письменным столом, преодолевая недуги и всяческие житейские соблазны, отец словно нутром чувствовал ту опасность, которая угрожает сыну. В одном из писем Екатерине Павловне писал сурово и категорично, как бы призывая мать оценить опасность, которая может угрожать сыну: нет ничего уродливее дилетантов.

Сразу же после того, как Максим поступил в школу, переписка отца и сына становится более регулярной и целенаправленной. Однако переписка, так же как и эпизодические встречи, не могла заменить постоянного общения в семье. Еще более очевидно, что переписка не могла заменить и систематического образования. Отлично понимая это, родители тщательно взвешивали, где обучать сына.

В местечке Фонтэнэ-о-Ноз, под Парижем, открылась новая русская школа И. Фидлера — специально для детей русских эмигрантов. Максим рос любознательным парнем, интересовался историей, географией, этнографией, о чем свидетельствуют сделанные им записи.

Но не менее важными были для него, так сказать, внеклассные «уроки», что преподносил витавший в школе дух. Основатель школы Фидлер до эмиграции служил директором Московского реального училища. В 1905 году оно стало одним из центров Декабрьского вооруженного восстания, и здание было буквально расстреляно царскими войсками из пушек.

Физику и математику преподавал в новой школе А. Коваленко, инженер-механик с легендарного судна «Потемкин». Работал здесь и Н. Семашко, видный революционер, впоследствии, после Октября, возглавивший здравоохранение в стране. Он с удовлетворением замечал, с каким жадным интересом и сочувствием воспринимает сын знаменитого писателя рассказы о борьбе за социальную справедливость.

Так что неудивительно: когда грянул Октябрь, двадцатилетний Максим пошел вместе с большевиками. Пошел, хотя знал, что отец к этому времени уже расхотел с ними и полемизировал на страницах издаваемой им газеты «Новая жизнь», опасаясь, как бы не понесли слишком жестоких потерь культура и интеллигенция. Это явилось

первым решительным расхождением отца и сына, первым выбором, сделанным Максимом самостоятельно.

Родителям пришлось порядком поволноваться. В дни октябрьского переворота Макс исчез. Мать не находила себе места. Отец, как мог, скрывал тревогу, пытался успокаивать ее, не отходил от телефона. Оказалось, Максима как члена большевистской партии арестовали юнкера, и лишь после длительных поисков его обнаружили в синематографе на Арбатской площади, превращенном в место содержания арестованных. Отсюда и вызволил начинающего революционера знакомый семьи Пешковых и — заметим — летчик В. Соколов.

Новая власть вскоре назначила Максима Алексеевича дипкурьером в Италию, причем этому способствовал сам предсовнаркома Владимир Ильич Ленин, подаривший сыну Горького книгу «Детская болезнь “левизны” в коммунизме» с автографом.

Итальянская полиция взяла Максима на заметку и даже запретила ему позже — когда он уже воссоединился с отцом, чтобы до конца дней жить с ним под одной крышей, — как «члену ЦК РКП» ездить на мотоцикле. Фашистская администрация лишала его этого удовольствия напрасно, потому что Максим вовсе не был членом ЦК. Да и вообще его участие в революции оказалось в значительной степени кратковременным романтическим порывом души к свободе и личной самостоятельности.

Мы уже знаем, что Максим умел делать многое. Но главное, что определилось в конечном счете, — он умел быть при отце. Никогда при этом он не подчеркивал своей нужности, а отец в отношениях с сыном никогда не опускался до покровительственной сентиментальности. Оба прекрасно использовали лучшее средство ликвидации любой психологической напряженности — юмор.

К. Чуковский записывал в 1928 году в своем дневнике впечатления о Горьком и его отношениях с сыном:

«Горький действительно тонкий. Плечи очень сузились, но талия юношеская, и вообще чувствуется способность каждую минуту встать, вскочить, побежать. Максим по-прежнему при людях находится в иронических с ним отношениях, словно он не верит серьезным словам, которые произносит отец, а знает про него какие-то смешные. Когда отец рассказывал анекдоты о своих триумфах в провинции, сын вынул узкую большую записную книжку и, угрожающе смеясь, сказал:

— Вот здесь у меня все записано».

Горький поддерживал такой стиль, снимавший налет официальности, напряженности, неизбежно возникавший вокруг человека, занятого огромной массой дел государственного масштаба.

Живя при отце, Максим так и не нашел для себя какого-то определенного занятия, да и где он мог служить, живя в Италии? Потому долгое время считалось, что он «ищет себя». Но и после возвращения в Россию, в 1928 году, он не обременял себя какими-то конкретными служебными обязанностями.

«Советский принц», по иронической характеристике В. Шкловского, он имел уйму свободного времени. Человек веселый, открытый и общительный, Макс нашел в Москве тысячу друзей, приятелей и просто знакомых и, постоянно встречаясь с ними, всякий раз приносил в дом ворох всевозможных новостей. Многие из них были таковы, что никогда не могли бы попасть на страницы печати — времена наступали сложные, жесткие, озадачивало и удивляло многое. Не то ожидал увидеть в стране недавний энтузиаст революционных преобразований.

Отец слушал новости задумчиво, барабанил тонкими пальцами по столу. Часто поднимался неожиданно, уходил, словно бы пресытившись сообщениями сына.

После первого приезда на родину, в 1928 году, Горький с семьей обычно уезжал на зиму обратно, в Италию. С 1933 года эти выезды прекратились. Их заменила жизнь в Крыму, в Тессели. К этому времени в шикарном особняке в стиле модерн, принадлежавшем ранее Рябушинскому и пожалованном Сталиным Горькому (вопреки его воле), начали совершаться странные перемены. Все большую власть приобретал

секретарь Горького Петр Петрович Крючков. Близкие начинали догадываться: тот, кого, согласно принятому в семье обычаю всем давать прозвища, шутливо называли Пе-Пе-Крю, выполняет чью-то высшую волю. Он начал регулировать, кого из визитеров допускать к Горькому, а кого нет. Больше того — ограничивать самого Горького в поездках куда-либо, и все с удивлением отмечали, что тот не очень-то протестует против этого, словно не желая вызвать недовольство кого-то, кто стоит за спиной Крючкова. Все догадывались — кого именно. Потом, после смерти писателя, догадки подтвердились: Крючков, как агент НКВД, выполнял волю Сталина.

В эти непростые времена в доме все чаще стал появляться и сам шеф НКВД Генрих Григорьевич Ягода. Повод нашелся вполне подходящий: Ягода приходился дальним (очень дальним!) родственником Горького, так как имел отношение к семье Свердловых. А Зиновия, брата знаменитого ленинца, Якова Михайловича Свердлова, Горький усыновил, дав свою фамилию и окрестив в арзамасской церкви. (Позднее Зиновий, прозванный в семье Зиной, стал генералом французской армии, героем Сопротивления в годы второй мировой войны.)

Регулярно появляясь в доме Горького, Ягода в случае необходимости мог получать от Крючкова важные сведения незамедлительно. Но Ягоду приводило сюда не только и даже не столько это обстоятельство (разумеется, Крючков пользовался в первую очередь иными, постоянными каналами). Все видели, что наркомвнудел контактам с кем-либо и даже с самим классиком предпочитает общение с его невесткой Надеждой Алексеевной, существом воистину прелестным. Берберова, автор известной книги «Железная женщина», утверждает, что примерно в 1932–1934 у них был роман, хотя не приводит никаких подтверждений.

Одна любопытная деталь путешествия горьковского семейства на спецпароходе по Волге в 1935 году, то есть после смерти Максима, которую в числе множества других подробностей рейса установила нижегородский краевед Вера Николаевна Блохина. В поездке принимал участие и Ягода. Причем готовился он к ней весьма своеобразно и задолго. Посетил пароход, тщательно осмотрел его и приказал две каюты, расположенные поодаль от других, соединить потайной дверью, задрапированной так, чтобы ничего не было заметно. В этих-то двух (или, можно теперь сказать, в одной двухместной каюте) и расположился Ягода, сделав так, что рядом оказалась молодая вдова Максима. Однако на первой же остановке, мрачный, как туча, он сошел на берег. Видимо, дверь пробивали напрасно...

Надо понимать, сколь двусмысленным становилось положение Максима, мужа той, кого называли в доме Тимошей. Он ревновал жену и, стараясь отвлечься от житейских неприятностей, все чаще начинал прикладываться к рюмке. Если кто-нибудь и упрекал его за это, то только не Крючков. Распоряжавшийся финансами, он всегда охотно «помогал» Максиму, когда тому надо было «промочить горло».

Обстановка в доме становилась все более напряженной, и Максим чувствовал это. Как поставщик сведений из города, о которых не только не писали газеты, но и говорить-то побаивались, Максим явно мешал кому-то.

...Заболевание Максима в мае 1934 имело какое-то странное происхождение. Однажды, как говорят в народе, заметно навеселе, заехал он к своей приятельнице Ирине Кольберг (Гогуа), дочери известной нижегородской революционерки Юлии Кольберг. Вообще сестры Кольберг — старшая Вера и младшая Юлия — тесно общались с горьковским семейством. Вера Николаевна часто бывала в доме Пешковых на Мартыновской, нянчилась с Максимом, а в Арзамасе, где Горький находился в ссылке, выступила в роли посаженной матери Зиновия Свердлова во время его крещения. Младшая, Юлия Николаевна, очень дружила с Екатериной Павловной. Особенно частыми встречи Максима и Ирины, обычно у Екатерины Павловны, стали в Москве после возвращения в Россию.

Со своей приятельницей с детских лет Максим мог говорить откровенно решительно обо всем.

Во время встречи в начале мая 1934 Ирина сообщила Максиму ужасную новость. Арестовали мужа их общей подруги Леночки, ждавшей ребенка. Надо срочно достать денег.

— Коньяку или шампанского могу раздобыть хоть машину, — сказал Максим, — но денег не дают.

Это «не дают» относилось к Крючкову, распорядившемуся всеми финансами.

Однако на другой день Максим появился вновь и выложил аж целую тысячу. Прошло еще два-три дня. К вечеру, очень возбужденный — таким Ирина не видела его никогда, — Максим приехал вновь и привез еще пятьсот рублей.

Погода стояла не по-майски холодная, а на Максиме была рубашка с коротким рукавом и пиджак, небрежно наброшенный на одно плечо. От него опять заметно пахло спиртным.

Ирина застегнула ему ворот рубашки и посетовала: «Ты совсем не бережешь себя!»

Максим понял ее реплику по-своему и ответил: «Ничего! Меня сейчас в машине ждет Петр Петрович. Прокатимся с ветерком, старик ничего и не заметит».

А потом, когда Максим заболел воспалением легких, стали говорить, что он заснул и его никто не хватился до утра.

Приехавший в Советский Союз Роллан сделал следующую запись в своем «Московском дневнике»:

«Смерть этого молодого, здорового человека, “простудившегося на охоте”, которого по некоторым версиям обнаружили рано утром в саду у дома, на заснеженной земле, уже с двухсторонним воспалением легких, и фатальный исход болезни через неделю с небольшим — все это более чем странно и внушает разные опасения».

Какую роль могли сыграть в этом деле Ягода и его люди?

«Максима убрали», — убежденно заявляла Екатерина Павловна. Никто не мог знать, как часто приходила на память Горькому эта сказанная с горечью и болью фраза...

Роллан свидетельствует:

«Мы ехали вдвоем с мадам Пешковой в машине с дачи Горького. Мадам Пешкова (Е.П. Пешкова) обрушилась с громкими и горькими жалобами на Ягоду. “Он лжет, лжет!” — повторяла она с яростью, когда ненависть смешивается с презрением...»

А ровно через год, 18 мая 1935 года, случился еще один удар, так или иначе связанный с воздухоплаванием. Потерпел катастрофу гигантский восьмимоторный агитсамолет «Максим Горький» с типографией, громкоговорящей радиостанцией, бортовым телефоном. Погибли экипаж и все пассажиры.

Как будто что-то фатальное было и в смерти Максима, и в этом крушении. За полгода до гибели Максим особенно часто посещал аэродром.